

УДК 821.161.1.09-1

АНТИНОМИЯ ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

Т. Л. Павлова¹, Е. Г. Раздьяконова²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
кафедра иностранных языков

²Якутский экономико-правовой институт
кафедра иностранных языков

В центре статьи – антиномические установки в творчестве Н. С. Гумилева. Авторы, обращаясь к поэтическим произведениям Гумилева, доказывают, что антиномия *жизнь – смерть* обусловлена романтическим мироощущением автора, обуславливающим антитечность, контрастность и в конечном итоге внутреннюю конфликтность его лирических произведений.

Ключевые слова: *антиномия, романтическое мироощущение, жизнь, смерть, антитеза, конфликтность*

Конфликт в лирике Н. С. Гумилева органически связан с набором основных бинарных оппозиций, лежащих в основании его поэтического мира. Отметим, что выделение бинарных оппозиций помогает не только реконструировать основания поэтического мира автора, но и определить типологическую компоненту его творчества [6, с. 151–167]. Специфика же отношений между базовыми антиномиями диктуется природой самого художественного мира, где «одни реалии присутствуют, а другие исключаются из рассмотрения, одни типы отношений выделены, а другие остаются без внимания» [5, с. 140].

Тем не менее, руководствуясь мыслью о том, что «при анализе художественной системы необходимо разграничивать элементы, их отношения и свойства» [4, с. 11], мы полагаем, что наличие бинарных оппозиций само по себе не гарантирует появления динамически развивающегося лирического конфликта, он появляется только тогда, когда в эту бинарную систему включается «третье звено» – лирический герой, обладающий собственными ценностными установками. Используя идею А. Г. Коваленко, можно сказать, что конфликт в лирике Н. С. Гумилева является «валентным», предполагающим «ценностное заинтересованное участие автора» [3, с. 15].

Одним из важнейших противопоставлений, которое моделирует целый ряд экзистенциальных конфликтов в поэзии Гумилева, становится противопоставление *жизни и смерти*. Включенность лирического героя в это противопоставление обуславливает несколько способов его разрешения, восходящих к романтической традиции.

Антиномия *жизнь / смерть* – одна из основных в системе романтизма, что европейского, что отечественного. Романтизм прошёл путь от резкого конфликта между ними, обусловленного неприятием смерти и бунтом против мироустройства, предполагающим её наличие, до примирения со смертью, понятой как возможность перехода к иной, совершенной, жизни и к

воскресению. Главный способ преодоления смерти, тленного мира, выход в благое бессмертие (в противовес бессмертию дурному – дрящейся одной и той же жизни) – творчество [1, с. 57–115].

Николай Гумилёв во многом наследует этот романтический подход к ангиномии *жизнь / смерть*, однако при этом изначально как таковой конфликт между этими категориями в его творчестве едва ли не полностью отсутствует: смерть с первых стихов у него оказывается, как правило, равна жизни с точки зрения положительного семантического наполнения.

Смерть у Гумилёва, как и у романтиков, это возможность для совершенствования героя и главный способ перехода из *Здесь* в *Там*. Попасть в райские области, приобщиться к полноте бытия, к благой жизни, можно только умерев, а лучше – погибнув во время путешествия или в сражении.

В одном из первых стихотворений, в «Сонете», поэт как раз моделирует (предсказывает) именно такую смерть и такое приобщение: «...может быть, рукою мертвеца // Я лилию добуду голубую» [2, с. 51]. (Интересно, что этот символ – голубая лилия – напоминает голубой цветок Новалиса: ещё одна мотивная переключка с романтизмом.)

Даже предчувствие смерти – уже наполовину возможность перемещения в иные пространства. Так, в «Мадагаскаре» сновидческое путешествие в ладе на таинственный Мадагаскар предваряется смертной тоской героя. В «Паломнике» смерть и возможность для Ахмета-Оглы попасть в высшую Мекку, и награда за отсутствие сомнений и мужество: «Все, что свершить возможно человеку, // Он совершил – и он увидит Мекку» [2, с. 134]. В «Родосе» она также и возможность, и залог грядущей славы: «Труд зловещий дала нам судьба, // Чтоб прославить на краткое время, // Нет, не нас, только наши гроба» [2, с. 133]. Китай – один из обликов *Там*-топоса у Гумилёва – с его тайнами, с его многоцветным райским колоритом возможен только при условии смерти: «Только в Китае мы якорь бросим, // Хоть на пути и встретим смерть!» [1, с. 99].

Смерть у Гумилёва может быть и наградой за мечту о высшем. В «Старой деве» героиня готова идти на частные компромиссы, но «мечте [её] упрямой // Никогда не стать иной <...> И зато за мной, усталой, // Смерть прискачет на коне» [2, с. 204].

Смерть – возможность чего-то для героев Гумилёва, и при этом она предполагает свободный выбор (что, в свою очередь, требует ещё большей смелости). В одноимённом стихотворении повествователь формулирует идею о праве человека «самому выбирать свою смерть» в мире, в котором нельзя спастись «от доли кровавой». Отношение Гумилёва к смерти – в высшей степени мужественное: так, в перечислении многообразных вариантов смерти в «Выборе» отсутствует модальность страха, само это перечисление нейтрально и бесстрастно.

Герой «Старого конквистадора» даже бравировать своим мужеством перед лицом пришедшей смерти: «Как всегда, был дерзок и спокоен // И не знал ни ужаса, ни злости, // Смерть пришла, и предложил ей воин // Поиграть в изломанные кости» [2, с. 92]. При этом мотив игры усиливается здесь также за счёт каламбура, созданного на пересечении значений слова «кости».

Смерть – это возможность, но, чтобы эта возможность была реализована, смерть нужно преодолеть: мужеством, о котором мы говорили выше, и стремлением к высшему. Смерть и последующее пребывание на суде и мужественное выслушивание приговора – устойчивый сюжет поэзии Гумилёва. Например, в стихотворении «Он поклялся в строгом храме...» герой оказывается на суде пред ликом Мадонны и смело отвечает на её упрёк в нарушении клятвы. В «Моих читателях» поэт видит свою заслугу перед читателями в том, что учит их, «представ перед ликом Бога // С простыми и мудрыми словами, // Ждать спокойно Его суда» [2, с. 307].

Игра со смертью, игра в смерть – ещё один способ её преодоления. Так, в «Персидской миниатюре» герой прямо заявляет: «Когда я кончу наконец // Игру в cache-cache со смертью хмурой...» [2, с. 296]. В стихотворении «Жизнь» вначале приводятся варианты «проигрывания» смерти, и первым из них оказывается самоубийство: «...с мертвым сердцем в море броситься со скалы...» [1, 130], а символом жизни становится царь-ребёнок, забывающий игрушку. В «Сонете» герой сам зовёт смерть, чтобы сразиться с ней. И это один из характерных сюжетов Гумилёва. При этом герой понимает обречённость попытки поединка со смертью: «Я с нею буду биться до конца...» [2, с. 51] (и конца именно своего, ибо дальше о себе герой говорит как о мертвеце).

В некоторых случаях, однако, смерть можно даже победить, заговорить. Так, в «Играх» колдун, отданный на растерзание животным, воем подчиняет себе хищников. В «Звёздном ужасе» непосредственность восприятия и детское бесстрашие перебарывают безумие и гибель, якобы несомые звёздным небом. В «Наступлении» упоение героя битвой приводит его в принципе к отрицанию возможности смерти: «Я, носитель мысли великой, // Не могу, не могу умереть» [2, с. 191].

Ещё одним, можно сказать, полушуточным отрицанием смерти является стихотворение «Пьяный дервиш», герой которого, задавая мертвым вопрос о сущности любви, получает от них ответ: «И кричит из ямы череп тайну гроба своего: // Мир лишь луч от лика друга, всё иное тень его!» [2, с. 301]. Мир – иллюзия, и смерть, соответственно, тоже иллюзия. Эта мысль воплощена также в стихотворении «Солнце бросило для нас...»: «Жизнь и смерть – ведь это сны, // Это только поцелуи» [1, 339].

Отрицание смерти – это также из ее вариантов. В стихотворении «На далёкой звезде Венере...» Гумилёв поэтически перекладывает оккультные теософские теории об этапах эволюции духа и создаёт образ смерти-трансформы: «На Венере, ах, на Венере // Нету смерти терпкой и душной, // Если умирают на Венере – // Превращаются в пар воздушный», и «...как радостные пилигримы, // Навещают еще живущих» [2, с. 388].

Мотив пройденного пути и насыщенности жизнью – двигатель сюжета в «Эзбекии», где герой даёт Господу обет и выдерживает его: «Какие бы печали, униженья // Ни выпали на долю мне, не раньше // Задумаюсь о легкой смерти я, // Чем вновь войду такой же лунной ночью // Под пальмы и платаны Эзбекии» [2, с. 226]. Соединяет борьбу и насыщение жизнью, приводящие в рай, стихотворение «Колокол», герой которого вначале призывал к битвам,

затем к мирному труду и религиозному деланию, а умерев, «нежным рокотом свирели // Опечалил тростники» [2, с. 349].

Вслед за романтиками, возможность преодоления смерти поэт видит также в искусстве: «Всё прах. – Одно, ликуя, // Искусство не умрёт. // Статуя // Переживёт народ» [2, с. 146]. Среди «технических» глаголов в последней строфе появляется глагол «бороться»: «Чеканить, гнуть, бороться, – // И зыбкий сон мечты / Вольётся // В бессмертные черты» [2, с. 146]. Хотя параллельно развивается у него и тема сомнения в силе искусства. Так, в «Волшебной скрипке» намечен мотив опасности, связанной с настоящим искусством, возможной гибели: «И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело...», «... посмотри в глаза чудовищ // И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача» [2, с. 82].

Ещё одним способом преодоления смерти оказывается любовь. В «Поединке» смерть героя в бою с женщиной влечёт за собой её ответную любовь: «За то, что я тебя убила, // Твоей я стану навсегда» [2, с. 85]. Его жизнь продолжается в её любви, что подтверждается метафорическим глаголом, характеризующим её плач: «Ещё не умер звук рыданий...» [2, с. 85]. По Гумилеву, любовь спасает даже на Страшном Суде, она дает возможность воскрешения из мертвых. В стихотворении «О тебе» герой любовь выставляет перед собой как защиту: «И когда золотой серафим // Протрубит, что исполнился срок, // Мы поднимем тогда перед ним, // Как защиту, твой белый платок» [2, с. 224]. В то же время, любовь, соединяемая со смертью (ср.: «Вы слейте в радостном полете // Любовь и Смерть» [2, с. 45]), может подарить человеку бессмертие. Например, в «Людах будущего» читаем: «Невестой вашей будет Вечность» [2, с. 45].

Мотив любви и преодолевающее смерть и уводящее героя в бессмертие искусство сходятся в стихотворении «Священные плывут и тают ночи...», в котором Гумилёв вспоминает своих возлюбленных и констатирует: «Так не умею думать я о смерти, // И всё мне грезится, как бы во сне, // Те женщины, которые бессмертье // Моей души доказывают мне» [2, с. 375]. Любовь преодолевает смерть также тем, что она оказывается её опаснее. Например, в стихотворении «Взгляните: вот гусары смерти...» ничего не боящимся гусарам «опасен плен единый, // Опасен и безумно люб, // Девичьей шеи лебединой // И милых рук, и алых губ» [2, с. 379].

Смерть как бы отменяется в творчестве Николая Гумилёва также путём введения в художественный мир идеи метемпсихоза. Герой некоторых его произведений, как, например, «Прапамяти», оказывается в ситуации затерянности в рождениях и смертях: смерть есть, и одновременно ее нет: «...восставши // От сна, я буду снова я, – // Простой индиец, задремавший // В священный вечер у ручья» [2, с. 220]. В «Стокгольме» герой теряет от узнавания/неузнавания места и времени, в которых он оказался, и от ощущения возможной, бывшей когда-то смерти в этой земле: «Не здесь ли любил я и умер не здесь ли, // В зеленой и солнечной этой стране?» [2, с. 218]. Развёрнутый пример той же ситуации – стихотворение «Заблудившийся трамвай», в котором герой, очнувшись от мистического погружения в своё сознание и от восстановления своей прошлой биографии и своих прошлых смертей, сам по себе отслуживает панихиду и, что ещё парадоксальнее,

заказывает молебен о здравии Машеньки, тоже, по всей видимости, давно скончавшейся.

Схожий случай – когда смерть представляет собой метафору закончившегося этапа жизни. Например, в «Памяти» мотив умирания души (с параллельной подтекстовой идеей метемпсихоза: «Только змеи сбрасывают кожи, // Мы меняем души, не тела» [2, с. 288]) воплощается в нескольких автобиографических сюжетах, сменяющих друг друга и свидетельствующих, что смерти как таковой нет, есть трансформация: «Ты расскажешь мне о тех, что раньше // В этом теле жили до меня» [2, с. 288]. Эта идея смерти как этапа намечена Гумилёвым ещё в «Пятистопных ямбах», где также сменяющиеся автобиографические сюжеты включают в себя мотив умирания: «Лишь изредка надменно и упрямо // Во мне кричит ветшающий Адам» [2, с. 179].

Сама по себе смерть у Гумилёва может быть моделью идеальной жизни. В этом случае имеет место очевидный парадокс инвертирования. В стихотворении «Мне снилось...» создаётся впечатление просветлённого посмертного существования персонажей. Мир сознания застыл, но не исчез, жизнь как бы продолжается: «Бессильные чувства так странны, // Застывшие мысли так ясны, // И губы твои не желанны, // Хоть вечно прекрасны» [2, с. 60]. То же самое в стихотворении «После смерти», где для героя посмертие – это «второе [его] бытие» и больше всего он боится возможного возвращения обратно – в жизнь.

В целом можно сделать вывод, что в творчестве Николая Гумилёва ангиномия *жизнь / смерть* – одна из определяющих. Но, в отличие от романтиков, поэт снимает конфликт между ними, наделяя смерть набором положительных коннотаций, мысля её как инструмент внутренней трансформации и внутреннего единства. В поэзии Гумилёва смерть различными способами преодолевается, и при этом она зачастую оказывается поддержана мотивами, отражающими сущность её антитезы – жизни.

Список литературы

1. Гумилев, Н. С. Сочинения [Текст] : в 3 т. / Н. С. Гумилев. – М. : Худож. литература, 1991. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. – 590 с.
2. Гачева, А. Жизнь и смерть в литературе романтизма. Оппозиция или единство? [Текст] / А. Гачева. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 375 с.
3. Коваленко, А. Г. Очерки художественной конфликтологии: Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века [Текст] / А. Г. Коваленко. – М. : РУДН, 2010. – 491 с.
4. Левитан, Л. С., Цилевич, Л. М. Сюжет в художественной системе литературного произведения [Текст] / Л. С. Левитан, Л. М. Цилевич. – Рига : Зинатне, 1990. – 512 с.
5. Ревзина, О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике [Текст] / О. Г. Ревзина // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1986. – М. : Наука, 1989. – С. 134–151.
6. Толстой, Н. И. Бинарные противопоставления типа *правый – левый, мужской – женский* [Текст] // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – С. 151–167.

ANTINOMY OF LIFE - DEATH IN THE LYRIC POET NIKOLAI GUMILEV

T. L. Pavlova, E. G. Razdjakonova

The article puts an emphasis on the antinomic sets of N. Gumilev's creative works. The authors of the article referring to the poetic works of Gumilev, argue that the antinomy of life – death is caused by the romantic world-view of the author and viewed as the reason causing their contrast range and the conflict of her lyrical pieces.

Key words: *antinomic sets, romantic world-view, life, death, antithesis, conflict*

Об авторах:

ПАВЛОВА Татьяна Леонидовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Технического института (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (678962, Республика Саха (Якутия) г. Нерюнгри, ул. Кравченко, д. 16), e-mail: pavlova-sizykh@yandex.ru

РАЗДЬЯКОНОВА Евгения Геннадьевна – доцент кафедры иностранных языков Якутского экономико-правового института (677007 Республика Саха (Якутия) г. Якутск, ул. Дежнева, 16), e-mail: evgeniya.razdyakonova@rambler.ru